

ВИДИМОЕ СЛОВО

Б. ЧИРКОВ, народный артист СССР

ПЕСНЯ всегда живет рядом с человеком. Наверное, не так надо сказать. Надо сказать — человек всегда живет с песней. Она помогает ему выразить его настроение. Она ему товарищ в печали и в радости. Она неразлучный его спутник. Задумаешься над чем-то, заглядишься на что-то, вроде бы увлечешься работой какой-то, думаешь, ты один. А прислушаешься — ты с песней.

Я человек давнишний, а хорошо помню, каким помощником была песня человеку, когда у него силы не доставало. На пристанях волжских, да и по Каме, по Вятке прилагивается, помню, артель грузчиков к какому-нибудь большому, тяжелому грузу, который не только в одиночку, а всей-то оравой с места сдвинуть мочи нет. Берутся тогда все разом, и затевают один песню. Слова забыл. А может, и не было их вовсе. Но вот как сейчас помню припев, который подхватывали все, делаясь на два лагеря. Одна половина вроде бы сомневалась и затягивала: «Нейдет, нейдет!..», а вторая компания убеждала малозверов: «Ой-да пойдет!». И опять: «Нейдет, нейдет!..» — «Ой-да, пойдет!».

И когда общими усилиями груз трогался с места, тогда запедала радостно объявляя: «Ой-да пошла!». И уже весь хор подтверждал это: «Пошла, пошла!..». И с этим победным пением волочил груз до места назначения.

Нехитрая была песня, а и объединяла, и воодушевляла людей...

А вот недавно в музыкальной редакции Всесоюзного радио мне показали пачку свежих писем от слушателей из Москвы, Воронежа, Луги, из Мордовской АССР, из Калининской области.

Писали журналистке Галине Шерговой, режиссеру Екатерине Гархановой, редакторам Ии Макарьевой и Эльвире Хачакян, писали люди о том, как были они взволнованы, увлечены и благодарны тем, кто выдумал и организовал циклы передач о песнях-бойцах, о песнях, которые не просто давали возможность выразить состояние своего духа, не просто радовали или заставляли печалиться. То были песни-призывы, песни, которые не покоили, не баюкали человека, а звали его к действию, к борьбе...

Так говорилось в письмах, пришедших из разных концов страны, так говорили люди, разные и по возрасту, и по своим профессиям. Я человек любопытный и тремя днями позже уже сидел в одной из студий Дома звукозаписи и слушал одну за другой песенные композиции... Нет, наверное, надо бы найти для них какое-то иное название. Я бы назвал их песенными симфониями, но в них слишком большое значение имеет взволнованное, патетическое слово женщины, ведущей эти передачи и рассказывающей нам, слушателям, о времени и обстоятельствах, при которых и появились на свет, и жили эти песни. Слово Галины Шерговой.

Может быть, это спектакли песен или картины песен?.. Ах, да ведь в конце-то концов неважно же это — как их назвать. Удивительно, что я просидел почти два часа, не вставая, и, не отрываясь, был погружен в тот мир, в который отвали меня авторы этих передач.

Я не просто слушал знакомые и новые для меня песни. Я почти видел, я все время представлял себя «там» и «среди тех», кто шел и кто боролся со злом мира, с несправедливостью, с тьмой и жестокостью этими песнями...

Это было удивительно по неожиданности впечатлений и ощущений. Удивительно потому, что за последнее время мы все чаще замечаем, как зрительское впечатление в искусстве уступает место слову, разговору.

Подумайте-ка, телевидение — это новый способ увидеть мир широко и в тот самый момент, когда происходит занимающее нас событие, а мы все больше и больше смиряемся с тем, что телевидение не показывает, а рассказывает нам о том, что делается в мире, о том, что происходит в человеческой душе. Не показывает, а рассказывает! Что? Разве это не правда? Разговаривают, держат речи все: и воспитанники детского сада, и должностные. Само собой — дикторы, но и солдаты, ученые, певцы и музыканты...

И вдруг здесь, на радио, где по всем условиям и законам можно и следует говорить и говорить, здесь стараются сделать звук и слово, песню и речь такими вескими, осязаемыми, видимыми, если и не глазом, то воображением.

А вот описать это невозможно, можно только проверить их впечатлениями, впечатлениями собственными. По-моему, стоит это сделать, не для того, чтобы спорить со мной, а затем, чтобы получить минуты настоящей радости от искусства чтеца и таланта журналиста, от мастерства режиссера, сумевшего организовать музыку, слово, пение в таких разнообразных ритмах, с таким темпераментом, что это и увлекает, и волнует одновременно. И голоса певцов, любимых или еще незнакомых, и запись реакции аудитории, либо естественный шум массы людей, присутствовавших на митинге или концерте, — все эти разнообразные помощники песни, свидетели ее борьбы за душу и сердце своих слушателей, все это создает произведение своеобразное, очень яркое и сильное.

Я говорю сейчас об этом потому, что не часто задумываемся мы над сложностью профессий мастеров эфира.

Вернусь к одному из слушательских писем. Прислала его Тамара Шувалова из города Осташкова. Девушка эта водит экскурсии по своему краю, там, где похоронены воины — защитники Родины.

«Понимаете, — пишет она Шерговой, — хочется что-то особенное сказать об этих могилах, а слов, подходящих до самого сердца, не могу найти». И вот услышала Тамара одну из передач, о которых сейчас рассказываю, и там нашла такие сильные, за душу берущие слова — «прямо мороз идет по коже». Она просит прислать ей текст передачи. Не стихи, не странную повесть, а радиослово. Значит, и радиослово может быть не просто сопроводительным текстом, а высокой публицистикой и настоящей литературой.

Я говорил уже о режиссерском мастерстве Екатерины Гархановой, но хочу добавить вот что: она не просто мастер своего дела, радиорежиссер, она еще и изобретатель, открыватель новых форм радиопередач. В числе ее выдумок — «Музыкальный глобус»: передачи, где музыка заговорила страстным языком политики, а политическая мысль обрела эмоциональность искусства.

Под рубрикой «Музыкальный глобус» идут передачи и о песнях-борцах, что я слушал. Одна из программ называется «Хор в сопровождении канонады».

Она посвящена войне, тем, кто боролся за нашу свободу и выжил, тем, кто погиб, тем, чьи бронзовые либо каменные изваяния встали на всех бывших путях войны.

В этой программе звучит наша песня. Знакомые наши мелодии служат как бы фоном для всевропейского хора, который звучит то по-французски, то по-гречески, по-итальянски, на болгарском или венгерском языках. И получается так, что наша песня становится вдохновителем и выразителем той народной войны, что прокатилась по всей Европе.

Другие программы — это песни братства людей, сражающихся за свободу трудового человечества на всей земле. Песни коммунистического подполья и международной солидарности. Поют испанцы, немцы, американцы. Поют и борются за будущее. Поют потому, что песня — их оружие, их вдохновение. И опять-таки это не концерт, это призыв к продолжению борьбы трудового люда. Это напоминание о том, что мир поделен на две половины, не по национальным или расовым признакам, а по принадлежности к партии света или партии тьмы.

Так радостно было слушать эти передачи, в которых вставало время, люди и их борьба, в которых жили сила человеческого духа, сопротивление злу, востребованность вперед, к будущему — светлому и счастливому для всех живущих на земле. И ясно было, что искусство не забава, а прекрасное проявление человеческого духа, богатство духовного мира человека, оружие в его борьбе за свет, за правду.

Соб. Кувшинский, 1970, 26 февр